

УДК 130.2:8

**СПЕЦИФИКА «ФИЛОСОФСКОГО ПАРТНЕРСТВА»
НА ОСНОВЕ СОВМЕСТНОГО РАЗМЫШЛЕНИЯ ПАРТНЕРОВ
НАД ФИЛОСОФЕМАМИ, ВЗЯТЫМИ ИЗ ТЕКСТОВ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

В.И. Гладышев, Л.В. Мякотина

Статья посвящена актуальной в теоретическом и в практическом отношениях проблеме. Мы ставим задачу расширить диапазон возможностей нового формата философской практики – «*философского партнерства*» – за счет использования на сессиях по философскому партнерству не текстов философских произведений, а текстов художественной литературы, содержащих философы.

Ключевые слова: философское партнерство, философема, общение, компенсаторное общение, чувство глубины, единение.

Считаем необходимым кратко изложить теоретические и методологические основания нашего исследования. Определяющее значение для нас имело знакомство с творчеством Рана Лахава, а именно с его теорией и практикой (непосредственное участие в проводимой им сессии) *философского партнерства*. Что именно так привлекательно для нас в его видении философской практики; что представляется наиболее продуктивным, об этом мы скажем ниже. Однако, предваряя выполнение этого обещания, заметим, что одним из базовых концептов, его Ран Лахав рассматривает первым, – *чувство глубины* [5, с. 15]. Этот концепт конгруэнтен концепции Г.С. Батищева *о культуре глубинного общения* [1]. Батищев открывает в общении – поступке, в глубинном общении, в онтологическом процессе со-бытия, огромную созидательную силу. И, напротив, он убежден в том, что острые проблемы, возникшие в современном мире, связаны с «глубинной необщительностью каждого из нас». В опредмеченном *философском партнерстве* Рана Лахава возникают бесценные ростки так важного для нас *глубинного общения*, характеризуемого Батищевым следующим образом: «В глубинном общении количество – почти ничто, качество и повышение достоинства – почти все. В противовес психокоммуникации с ее заведомой частичностью, человек вступает в онто-коммуникацию во всей своей становящейся целостности, единой и неделимой, ничего не оставляя в себе, не ввергаемым в обращенность: здесь адресуется не нечто от себя и вместо себя, но человек всего себя адресует, сознающего, мыслящего, бытийствующего, виртуального – ведомого и неведомого, ставшего и становящегося, и даже могущего быть инаковым! Суть дела в том, что эту онто-коммуникативную обращенность к другим невозможно создать на уровне

средств речевой самовыразительности или мышления, ее нельзя сотворить ни вербально, ни идейно-производенчески, ее нельзя выдумать и ввести в реальность даже при максимуме искренности, ее можно лишь выявить во вне символически, если она уже есть бытийственно, если само действительное бытие человека уже выработано таким, что оно все целиком проникнуто самоадресованностью: оно – вектор, а не скаляр. Когда каждый мой жизненный шаг стал не половинчатым, но всецело ценностно–ответственным, безусловным, тогда я могу вложить в каждый поступок всего себя и всю свою адресованность, все в себе привести в состояние смыслового «короткого замыкания», стягивая и собирая себя в нем. И таким поступком должно быть все во мне, каждое движение, жест, переживание, мысль, чувство–только при этом условии я действительно живу, не отрывая себя от онтологических корней. И вся моя единственная жизнь выступает тогда как единый «сложный поступок»... Искренний «голос» в онто-коммуникативности обретается человеком лишь постольку, поскольку ему удастся лишиться в себе «голоса» слепо-эмоциональную сферу и возвыситься до тех духовных чувств, которые эпически-беспристрастны» [1]. Подобно тому, как в капле отражается океан, так лишь во внешне камерных процедурах и концептах теории Рана Лахава отражаются универсалии культуры глубинного общения: *со-причастность; доминантность на всех Других; предваряющее утверждение достоинства каждого; творчество как свободный дар встречи, дар междусубъектности; со-творчество.*

Анализируя причины вовлеченности личности и следствия ее активного участия в группах философского партнерства, мы опирались также на концепцию *компенсаторного общения* [2]. При этом из известных нам метаформ компенсаторного общения [*декомпенсация (угасающая компенсация), прямая компенсация и сверхкомпенсация* средствами общения], мы с полным основанием считаем, что в данном случае мы имеем дело с такой метаформой как *сверхкомпенсаторное общение*. Для данной метаформы характерно следующее: она способствует личностному росту, в данном случае членов групп философского партнерства, радикальному преобразованию их духовного мира на основе *диалогического взаимоутверждения*, развития способностей к *единению* [7, с. 34–35], (*интегративная* функция общения). В процессе сверхкомпенсаторного общения совершенствуются способности личности к *сочувствию, сопереживанию, взаимопониманию*. Совершенствуется эмоциональная сфера личности в целом.

Известно, что совместное философствование философских партнеров основывается на коллективном размышлении над тщательно выбранным философским текстом. На то она философская, а не какая-либо иная практика. *Пафос нашей статьи состоит в том, чтобы предложить использовать в процессе партнерской сессии тексты художественной прозы либо поэзии.* Но будет ли это философской практикой, философским партнер-

ством? Безусловно! Тесная взаимосвязь, взаимопроникновение, взаимовлияние философии и литературы обнаруживают себя с древнейших времен. Особенно очевидно это при рассмотрении лучших образцов как философии, так и литературы. «Библия, – писал профессор А.С. Колесников, – как и другие тексты зафиксировавшие святое и священное, в своих книгах сплели воедино философию и художественное воплощение. Речь обладает изначальной способностью обращаться как к образу, так и к мысли. Сократ и Платон, древние мыслители Индии и Китая были любословны, а поэтика философского слова была на такой высоте, что до нашего времени вызывает восторг и подражание» (курсив наш – В.Г., Л.М.) [4]. На протяжении всей истории культуры нас сопровождают мыслители – художники и художники-мыслители (художники в ницшеанском смысле слова). И подчас не столь важно, какая из составляющих преобладает и какова форма изложения: стихотворная или прозаическая. Главное состоит в том, что для автора подобный синтез был органичен. По мнению А.С. Колесникова, наиболее тесно искусство сплетается с философией, начиная с эпохи романтизма. В последующие исторические периоды этот процесс становится все более интенсивным и многоплановым. В XX веке философия все чаще переходит от категориальной формы выражения к художественно – образной, дабы с наибольшей глубиной и разносторонностью раскрыть бытие человека. Наиболее успешными в указанном отношении оказались экзистенциализм и постмодернизм.

Известный уральский философ Е.Г. Турбина в статье, посвященной философии литературы, подчеркивала, что «философская теория литературы существует в трех основных вариантах: во-первых, включение литературы как равноправного компонента в контекст философии того или иного мыслителя, во-вторых, сопоставление философии и литературы как двух автономных практик с целью обнаружить их сходство и различие, в-третьих, попытки найти философские проблемы собственно в литературных текстах» [6, с. 964–965]. Специфика третьего варианта заключается в том, чтобы выявить в художественном тексте актуальную философскую проблему значимую для философов. Размышление художника-мыслителя, например, о том, совместимы ли гений и злодейство, могут инициировать философские размышления о злом и добром творчестве. Ценность найденной в художественном тексте *философской составляющей (философема)* значима не только для профессионалов в области философии литературы, но и для тех, кто в настоящее время еще только изучает философию; для тех, кто еще не приступил к ее изучению. Это своеобразное введение в философию. Философское партнерство может объединять тех, кто никогда не будет изучать академическую философию в систематизированной форме, тем не менее, и у них зачастую возникает интерес к определенной философской проблематике. Он может удовлетворять его посредством обраще-

ния к текстам мыслителей-художников, а затем, возможно, и к тем из философов, что в наибольшей степени будут отвечать его интересам. Движение от литературы глубокого содержания к философии – вещь не редкая.

Что может послужить предметом *философского созерцания* во время сессии по философскому партнерству? Как уже указывалось ранее, это тексты выдающихся мыслителей-художников (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Гете, Шекспир, Гофман, Диккенс, А.П. Чехов, Л. Андреев, Ф. Кафка, Макс Фриш, Герман Гессе, Борхес, Маркес и др.); профессиональные философы-создатели художественных шедевров наряду со значительным вкладом в философию: Ж.-П. Сартр, Вольтер, А. Камю. Что может возникнуть в результате? Это можно прояснить при помощи «*концепции философемы*» (В.А. Песоцкий, В.В. Картавец, В.С. Степин, Б.В. Емельянов, Т. Благова).

Возникновение новых философских концепций часто проходит через этап возникновения *философемы*. Понятие философемы не имеет пока точного определения, хотя при этом используется достаточно широко и в соотношении с различными понятиями: «идеологема», «мифологема», «символ», «концепт» и др. (Об этом см.: В.В. Картавец «Анализ содержания понятия “философема” в современной научной литературе») [3]. В указанной работе В.В. Картавец справедливо подчеркивает, что понятие «философема», взятое в широком смысле слова, встречается в теоретических разработках В.С. Степина еще в публикациях конца XX века (См, например: В.С. Степин). Будучи известным исследователем истории и методологии научного познания, отмечал В.В. Картавец: «В.С. Степин утверждал, что сложный процесс экспликации универсалий культуры может в первичных формах осуществляться не только в рамках профессиональной философской деятельности, но и в таких формах духовного освоения мира, как литература, искусство, художественная критика, политическое и правовое сознание, обыденное мышление. Данный процесс будет иметь место в том случае, если названные формы духовного освоения действительности столкнутся с проблемными ситуациями мировоззренческого масштаба. Результатом подобного взаимодействия может стать возникновение “первичных философем”, как обозначил их В.С. Степин. В дальнейшем, по утверждению исследователя, на основе философем философия вырабатывает более строгий понятийный аппарат, где категории определяются в своих наиболее общих и существенных признаках. Таким образом, в представлении В.С. Степина философема является результатом философской рефлексии определенного уровня, встречающейся в различных областях нефилософского познания». [3] Между тем, несмотря на то, что составляющие философского знания могут быть обнаружены в составе любых артефактов культуры, *наиболее изучены они именно в области художественной литературы*. Это и неудивительно ввиду теснейшего союза

и даже *взаимопроникновения литературы и философии* практически едва ли не во всех ее областях. Таким образом, литература способствует распространению философского знания, его практическому участию в жизни каждого человека. Как уже отмечалось в философии, входящей в структуру художественного произведения, синтезируется обыденный опыт и теоретическое знание. Философии, будучи неотъемлемой частью серьезной литературы, позволяет предельно расширить аудиторию почитателей философии посредством вплетения философских знаний в художественную литературу. *Философия* благодаря ограниченной степени ее рационализации включает в свой состав эмоциональные компоненты. Эта особенность философии благоприятствует их использованию в процедурах и упражнениях входящих в состав философского партнерства.

Отнюдь не праздным является вопрос о том, с чем связано увлечение людей философской практикой в различных ее формах. Пусть даже число ее приверженцев не столь велико. Но последнее вовсе не удивительно, ибо, по нашему мнению, например, *философское партнерство – деятельность элитарная*: она требует от участников группы определенного исходного уровня развития (интеллектуального, духовного) внутренней культуры, определенных коммуникативных навыков (культура слушания) и, разумеется, деятельных усилий. Исходя из концепции компенсаторного общения, мы считаем философское партнерство *сверхкомпенсацией*. Эта самая социально-ценная из «ипостасей» компенсаторного общения. Но наиболее очевидными часто выступали ее негативные проявления – *иллюзорная, мнимая компенсация*. Она, как правило, осуществлялась в группах, где неудовлетворенные своими повседневными контактами с окружающими люди получали возможность реализовать эмоциональные, интеллектуальные и деятельностно – волевые составляющие общения. Иллюзорная компенсация происходила ценой снижения планки содержательной стороны общения, вела в предельных случаях к разрушению и деградации личности, деформации ее отношений общения с теми, кто в компенсаторную группу не входит. В этом, с разной степенью остроты, заключена опасность замкнутых на себя групп. Человек, чувствуя себя комфортно в группе, более того, испытывающий в контактах внутри ее настоящую отраду, уже не стремится к расширению круга своего общения. Безусловным достоинством философского партнерства выступает формирование у его участников чувства *единения*. «Единение состоит в мышлении с другими. Это мышление в истинном диалоге креативно. Оно выполняет *эвристическую функцию*. В духе истинной философии, в духе *философии* классической литературы, оно проблематизирует действительность, не дает готовых ответов. *Единение – это ключевое слово в учении Рана Лахава*. Но единение состоит не только в мышлении с другим / другими. Если мы сосредоточимся на интеллектуальной составляющей общения, то может в небрежении оказаться

его *эмоциональный* компонент. А это – важнейший аспект единения на основе взаимопонимания. Благодаря взаимопроникновению интеллектуальной и эмоциональной сфер возможно полноценное *резонирование* с партнерами, когда мы обретаем способность отказаться от «от разделения на свои и чужие мысли, на свои чужие убеждения» [5, с. 30].

Именно художественный текст, эмоционально насыщенный; в философиях которого обнаруживаются и глубины философской мудрости и возможности для широкой интерпретации смыслов и обращенность к эмоциональной сфере участников группы, в полной мере предоставляет такую возможность. Причем, это может быть как художественная проза, так и философская поэзия. Для последней наилучшим образом подходит процедура «медленное чтение» [5, с. 49–50]. Относительно художественной прозы мыслителей-художников может возникать известная сложность для обсуждения отдельных фрагментов вне контекста произведения, взятого как целое. Следовательно, необходимо чтобы было прочитано партнерами все произведение. Мы считаем, что в наше время, когда художественная литература читается не так интенсивно как прежде. Это будет определенным вкладом в дело оживления чтения художественной литературы. Решая специфические задачи, философское партнерство может многофункционально использоваться в группах студентов-филологов. Изучая произведения классиков отечественной и зарубежной литературы, они могут самостоятельно находить философемы полезные в деле осуществления философского партнерства. В обращении к художественной литературе важно также и то, что прочтении происходит процесс идентификации читателя с героями книги, что расширяет границы его я еще на докоммуникативной фазе. А это уже шаг к *трансформации* личности и ее выход за пределы «периметра», что, собственно, и является задачей философского партнерства [7, с. 46–47].

Библиографический список

1. Батищев, Г.С. Особенности культуры глубинного общения / Г.С. Батищев // Вопросы философии. – 1995. – № 3. – URL: <http://old.istu.ru/unit/epign/siip/psiped/3597>.
2. Гладышев, В.И. Компенсаторное общение: социально – философский анализ: монография / В.И. Гладышев. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – 292 с.
3. Картавцев, В.В. Анализ содержания понятия «философема» в современной научной литературе / В.В. Картавцев. – URL: <http://dspace.nua.kharkov.ua/jspui/bitstream/123456789/1546/1/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0%D0%B2%D1%86%D0%B5%D0%B2.pdf/>.
4. Колесников, А.С. Философия и литература: современный дискурс / А.С. Колесников // Серия «Мыслители», История философии, культура и миро-

воззрение. Выпуск 3. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 8.

5. Лахав, Р. Руководство по философскому партнерству / Р. Лахав; Пер. с англ. С. Борисов, Р. Пеннер. – Челябинск, 2017. – 62 с.

6. Философия литературы // Современный философский словарь / под. общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В.Е. Кемерова. – 2-е изд., испр. и. доп. – Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск: «Препринт», 1998. – С. 964–969.

7. Язык философской практики: краткий словарь – презентация / под ред. С.В. Борисова. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. – 192 с.

[К содержанию](#)